

годов собор напоминал скорее дырявый амбар.

Г: С каких реставрационных работ начинали? Вы ведь не сразу приступили к фасадам, колоннаде?

М. К.: Первой работой было восстановление иконостаса — по фотографиям Карла Буллы, с привлечением инженеров из ЛИИЖТа. Параллельно занимались подвалом западного крыльца, где вода стояла по щиколотку. Мы приступили к разборке цоколя — не только, чтобы оградить его от воды, но и затем, чтобы в деталях понять, какая же у него конструкция? Сотрудники КГИОП полагали, что затопление происходит из-за подъема подземных вод, но мы выяснили, что причина в другом: цоколь не мог дышать. Мы разобрали деструктивную поверхность кирпичных конструкций, сделали вычинку и устроили воздушные каналы в слоях, затем закрыли мягким раствором, сверху постелили свинцовый «ковер», сквозь него пропустили каналы из нержавеющей стали — и вся эта воздушная система заработала. Сложная была задача. Естественно, это не все. Большую работу проделали с кровлей — отремонтировали деревянные конструкции крыш собора, кровельное покрытие заменили на медь, спасли от аварийного состояния балясины балюстрады над колоннадами. Но, видимо, горожане все эти работы не замечали, пока мы не приступили в 2011 году к фасадам.

Г: У неспециалистов сложилось противоречивое мнение, что же сделали с колоннами и почему?

М. К.: Начну с того, что колонны выполнены из пудостского туфа. Это местный материал, он добывался под Гатчиной. Туф довольно мягкий, податливый, все декоративные элементы вырезаны из него, как из дерева. За прошедшие десятилетия этот материал подвергся настолько серьезной деструкции от грязи, пыли и воды, что жителям Петербурга стал привычен его закопченный вид. Естественно, что предстояло очистить камень. Проблема в том, что он пористый и впитывает до 30% влаги. При этом, как мы выяснили, в прошлом его чистили с использованием активных моющих средств. Можете себе представить, сколько химии проникло в поры колонн. По сути, мы рисковали потерять все эти декоративные элементы. Было решено очищать их сухим воздушно-абразивным методом. Выглядит это так: струя с наполнителем под давлением мягко гладит поверхность камня, стирая грязь. В качестве наполнителя использовали пылеобразное вещество — кварцевую стадию стекла, 0,2 мм в диаметре. Специальную установку заказывали в Германии, а до того отмывали колонны западного портика вручную. Двадцать человек работали над этой задачей в течение месяца. А когда прибыла установка, с тем же объемом работ справились два оператора недели за три.

Потом нужно было закрепить поверхность камня, чтобы он не разрушался дальше. Разумеется, ни о какой краске не могло быть и речи. Мы выбрали немецкую эмульсию на основе извести (диспергированную известь, которая быстрее других схватывается и после отвердевания становится более прочной) и сделали это по нескольким причинам. Во-первых, еще Воронихин замазывал рижским алебастром наиболее крупные каверны в облицовке памятника (и придавал алебастру цвет пудостского камня), а Огюст Монферран,

который руководил первой реставрацией собора, в свою очередь, применял мастичное покрытие. Благодаря этому мы можем еще видеть изначальные формы. Во-вторых, таким же методом реставрировали собор Парижской Богоматери, например, и другие памятники в Европе. В-третьих, известь родственна туфу. Мы нанесли ее слоем толщиной всего 0,5 мм, и на какое-то время ноздреватая фактура камня исчезла под ней. Однако прошло какое-то время, и все эти каверны проявились, потому что известковая накладка осела на камень. Это называется жертвенным слоем. Он принимает на себя все удары среды, позволяет камню дышать и разрушается в первую очередь, защищая поверхность туфа. Так что в следующий раз, когда нужно будет привести фасады в порядок, мы уже не будем их чистить, а просто смоем этот жертвенный слой — и нанесем новый.

К слову, в прошлом веке про диспергированную известь не знали, утраты камня возмещали цементным раствором, какое-то время фасады и правда были покрыты синтетической краской, под которой камень не дышал, нам пришлось удалять эти вставки, заменять их новым туфом. Так что если бы мы действительно покрыли краской всю колоннаду, она бы очень быстро разрушилась.

Г: А как вы определились с итоговым цветом этой известковой накладки?

М. К.: Вообще, у нас было 72 образца цвета, и по поводу каждого велась бурная полемика. В итоге был утвержден № 67. На южной версте западной колоннады проверяли колерный бланк и подобрали наиболее подходящий цвет. Конечно, я не осмелюсь утверждать, что у нас стопроцентное попадание, но именно этот цвет утвержден КГИОП, технадзором Министерства культуры России и мною. Подчеркну также, что вообще реставрация собора выполняется по согласованной научно-проектной документации, соответствующей международным требованиям ЮНЕСКО. Тем более что международная реставрационная наука свидетельствует о том, что идеального совпадения добиться невозможно. Материал другой, руки с ним работали другие, по иным технологиям, да и философия сильно изменилась. Однако мы подготовили выставку пудостского камня — нарезали его дольками и все увидели, что даже у образцов из одного карьера может быть разный оттенок от природы, и это нормально.

Еще был случай, когда в северо-восточном углу, в месте примыкания колонны к портику, испортилась водосточная труба, за зиму там вырос ледяной stalactite на всю стену. Когда он растаял, открылась чистая поверхность камня. В какой все пришли восторг! Нас умоляли оставить хотя бы часть, и мы не стали закрывать небольшой фрагмент — своеобразное «окошечко в природный цвет».

Г: Знаю, что кроме этого «светлого окошка», у вас есть еще некий черный квадрат. Расскажите о нем?

М. К.: Мы называем его «квадратом Малевича». История его такова: цоколь собора был темно-серым из-за наслоения грязи и разного рода напылений, от укрепительных до гидрофобных, которыми его защищали в советские годы. Увы, сделано это было неграмотно: воздух не проникал через эти слои и камень стал «болеть», слоиться. Было решено не добавлять к этой сме-

ПОСЛЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ОЧИСТКИ КОЛОННЫ ПРИОБРЕЛИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦВЕТ

си еще какие-то химические вещества и воспользоваться бучардой (молотком с пирамидальными зубцами для обработки камня). Небольшой участок грязи и напылений не стали скалывать. Он наглядно показывает, какому воздействию подвергался собор и насколько правильно работают реставраторы.

Г: Что вам еще предстоит сделать? Сейчас Казанский собор будто застрял между своим прошлым и настоящим.

М. К.: Естественно, нужно закончить работы на восточном и северном фасадах. Необходима также реставрация горельефов, аттиков, барабана. Проект реставрации мозаичных полов уже готов. Мы двигаемся от одного этапа к другому, насколько позволяют силы и средства. Конечно, хотелось бы отреставрировать весь собор разом, причем быстро, чтобы люди в момент забыли, каким он грязным и темным был. Но стоимость реставрации одного фасада составляет 4,8 млрд рублей, а вы-

делили только 50 млн. И хорошо уже, что есть эти деньги и можно что-то делать на них. У меня уже несколько раз подводило сердце... Хочется успеть завершить реставрацию.

Вернусь к теме цвета колоннады — очень уж она оказалась болезненной. На художественных изображениях Казанского собора XIX века здание представлено авторами именно в светлых охристых тонах. Да и сейчас отчетливее стали видны резные детали капителей и других элементов. У собора величественный, добрый, уже не мрачный вид, какой и задумывался изначально. Считаю, что если мы говорим о сохранении памятников, то должны ратовать за натуральное, естественное, историческое. Потому что в противном случае не будет границ между историей и новоделом. Если мы сегодня начнем решать, каким быть памятникам, завтра перед нами поставят вопрос: а зачем они вообще? ■